

НОВОЕ ПОНИМАНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ И СИСТЕМЫ ДОКАЗЫВАНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

© 2014 г. Аслям Наилевич Халиков¹

Краткая аннотация: в статье рассматриваются дополнения и изменения, внесенные в Уголовно-процессуальный кодекс РФ Федеральным законом РФ от 4 марта 2013 г. и касающиеся проведения проверки сообщения о преступлении до возбуждения уголовного дела. Согласно новым положениям, внесенным в ст. 144 УПК РФ, результаты процессуальных действий, проводимых до возбуждения уголовного дела, допускаются в качестве доказательств. Рассматриваются философские и процессуальные проблемы использования доказательств в системе уголовно-процессуального доказывания.

Annotation: additions and amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation made by the Federal Law of March 4, 2013 № 23-FZ on the inspection of crime report before initiating a criminal case are viewed in this article. According to the new provisions introduced in Article 144 of the Code, the results of the proceedings conducted before initiation of criminal case count for evidence. Philosophical and procedural problems of the use of evidence in the system of criminal procedure proving are viewed.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела, доказывание, доказательства, порядок рассмотрения сообщения о преступлении, познание, процессуальные действия.

Key words: initiation of criminal case, proving, evidence, procedure of crime report consideration, cognition, legal proceedings.

Традиционное понимание доказательств, определяемых в качестве любых сведений по уголовному делу, на основе которых устанавливаются обстоятельства, подлежащие доказыванию, и собирание которых допускалось практически только в ходе расследования уголовного дела, претерпело значительные изменения. Федеральным законом РФ от 4 марта 2013 г.² в ст. 144 УПК РФ было внесено радикальное дополнение, расширяющее временной период собирания доказательств, а следовательно, и трактуемое в новом свете их понимание в уголовном процессе. Рассматриваемое дополнение в виде ч. 1-2 ст. 144 УПК, регламентирующей порядок рассмотрения сообщения о преступлении, определяет: “Полученные в ходе проверки сообщения о преступлении сведения могут быть использованы в качестве доказательств при условии соблюдения положений статей 75 и 89 настоящего Кодекса”.

Как само собой разумеющееся, в приведенном Законе вместе с новым взглядом на категорию доказательств в уголовно-процессуальном праве, допускаемых до возбуждения уголовного дела, претерпели изменения количество и сущность самих процессуальных действий, производимых на стадии доследственной проверки и регламенти-

руемых ч. 1 ст. 144 УПК. Численность названных проверочных действий значительно увеличилась, и в своем системном единстве они стали охватывать более полный спектр исследования первоначальных данных, необходимых для обоснованного принятия решения о возбуждении или не возбуждении уголовного дела. К таким проверочным действиям процессуального характера отнесены следующие полномочия дознавателя, органа дознания, следователя и руководителя следственного органа: получать объяснения, получать образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать предметы и документы в порядке, установленном УПК РФ, назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве, получать заключение эксперта в разумный срок, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование, требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов, привлекать к участию в этих действиях специалистов, давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий.

Вместе с возможностью признания результатов указанных действий доказательствами законодателем впервые установлены соответствующие процессуальные гарантии участникам процесса на стадии возбуждения уголовного дела, в неко-

¹ Профессор кафедры криминалистики Института права Башкирского государственного университета, доктор юридических наук (E-mail: han010@yandex.ru).

² См.: Собрание законодательства РФ. 2013. № 9. Ст. 875.

торой степени схожие с соблюдением прав и интересов при производстве следственных действий. Так, существенным дополнением в ст. 144 УПК стало введение ч. 1-1, содержание которой определяет необходимость разъяснения лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении их прав и обязанностей с обеспечением возможности осуществления этих прав в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы. При этом указан ряд обязательных положений о соблюдении прав и обязанностей участников судопроизводства, которые требуют неукоснительного исполнения в стадии доследственной проверки. К ним отнесены такие права участников процесса, как не свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников, круг которых определен п. 4 ст. 5 УПК РФ, пользоваться услугами адвоката, а также приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа в порядке, установленном гл. 16 УПК РФ. Участники проверки сообщения о преступлении могут быть предупреждены о неразглашении данных досудебного производства в порядке установленной ст. 161 УПК РФ. При необходимости безопасность участника досудебного производства обеспечивается в порядке установленной ч. 9 ст. 166 УПК РФ, в том числе при приеме сообщения о преступлении.

Значение приведенных законодательных дополнений, в новом свете определяющих юридическое понимание и использование доказательств в уголовно-процессуальном доказывании, имеет далеко идущие последствия, которые скажутся как на деятельности правоохранительных органов, так и в целом на реформировании уголовного судопроизводства. Причем речь идет не только об изменениях теории и практики собирания доказательств на стадии возбуждения уголовного дела, но и о серьезных модификациях всей системы доказывания на досудебных и судебных стадиях уголовного процесса. Основным смыслом рассматриваемого нововведения нам видится в следующих составляющих, которые необходимо оценивать в системном единстве:

1. Впервые на уровне доказательств названы сведения, полученные не после возбуждения уголовного дела, а собранные на стадии проверки сообщения о преступлении, т.е. до момента вынесения постановления о возбуждении уголовного дела.

2. Изменены и значительно дополнены процессуальные действия, необходимые для собирания сведений при проверке сообщения о преступлении, которые по своему содержанию во многом схожи с перечнем следственных действий, требуемых для доказывания надлежащих обстоятельств по уголовному делу.

3. Результаты перечисленных процессуальных проверочных действий, полученных в соответствии с новым дополнением – введением ч. 1-2 ст. 144 УПК, следует рассматривать как часть процесса доказывания в уголовном судопроизводстве, относимого в соответствии со ст. 86 УПК к этапу собирания доказательств.

4. Доказывание в уголовном судопроизводстве приобретает единую систему, стартовым моментом которого является начало проверки сообщения о преступлении или любой из поводов, предусмотренных в ст. 140 УПК для возбуждения уголовного дела. Тем самым время уголовно-процессуального доказывания начинает исходить с момента поступления должностным лицам правоохранительных органов сообщения о преступлении, зарегистрированного ими в надлежащем порядке в соответствующих документах.

Для теоретиков уголовного процесса, а тем более для практических работников перечисленные положения, существенно трансформирующие институт доказывания в уголовном процессе, стали достаточно неожиданными. В этой связи новизна вступивших в законную силу норм в теории уголовно-процессуального доказывания требует соответствующего научного анализа как с оценкой их положительных сторон, так и с исследованием прогнозируемых проблем. В прикладном видении данный анализ следует проводить в целях оптимальных способов практического использования новых норм о доказывании в работе органов предварительного расследования, прокуроров и судебных инстанций вместе с необходимостью изменения юридического мышления следственных работников, прокуроров и судей в области представлений о доказательствах и доказывании в уголовном процессе.

Современное понятие доказательства исходит из единства формы и содержания, когда одно без другого невозможно в сфере уголовного судопроизводства. Из этого следует, что мы не можем брать любые сведения в качестве доказательств, что, по мнению Ю.К. Орлова, является их донаучной, или архаичной, трактовкой, поскольку сами по себе сведения или сведения о фактах, не отражают процессуальных форм их получения³. В этом

³ См.: Орлов Ю.К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. М., 2009. С. 58, 59.

смысле С.А. Шейфер определяет доказательство как сведения об обстоятельствах, подлежащих доказыванию, которые получены законным способом и облечены в надлежащую процессуальную форму⁴. Акцентируя значение прав и интересов участников уголовного процесса, А.В. Победин подчеркивает, что любое употребление понятия “доказательства” может быть правомерным лишь тогда, когда сведение облечено в процессуальную форму, прошло через уголовно-процессуальные гарантии⁵. Тем самым практически бесспорным является понимание доказательств как сведений, получаемых способами, которые подчинены нормам уголовно-процессуального закона или ограничены этими нормами и без которых эти сведения не будут иметь юридической силы в системе уголовно-процессуального доказывания. В новой редакции ст. 144 УПК это четко отражено напоминанием о ст. 75 УПК, указывающей на необходимость наличия свойства допустимости доказательств, т.е. законности способов их получения, что остается фундаментальным требованием в современной теории доказывания, несмотря на любые реформирования уголовного процесса.

Единство формы и содержания доказательств основывается на четкой нормативной базе системы доказывания, одним из положений которой являлось процессуальное правило, заключавшееся в том, что доказательствами признавались только те сведения, которые были получены в результате следственных и процессуальных действий, производимых после возбуждения уголовного дела (кроме оговоренного в законе осмотра места происшествия)⁶. В соответствии с законодательной регламентацией теория и практика уголовно-процессуальной деятельности не допускала в качестве доказательств иные информационные данные, если они не были получены в ходе производимого дознания или предварительного следствия, а значит, после вынесения процессуального решения о возбуждения уголовного дела. Тем самым формальной сущностью доказательств были производимые и оформленные в соответ-

ствующем порядке результаты следственных действий как материальные элементы доказывания обстоятельств преступления в уголовном процессе. Разрабатывая доказательственные свойства следственных действий, С.А. Шейфер (а с ним согласны и некоторые другие ученые) писал, что следственное действие в познавательном аспекте выступает как способ собирания (формирования) доказательств и представляет собой регламентированный уголовно-процессуальным законом и осуществляемый следователем комплекс познавательных и удостоверительных операций, соответствующих особенностям определенных следов и приспособленных к эффективному отысканию, восприятию и закреплению содержащейся в них доказательственной информации, т.е. к получению соответствующего вида доказательств⁷.

Справедливости ради следует отметить, что имелись мнения ряда ученых о возможности рассмотрения документов, полученных до возбуждения уголовного дела, в качестве доказательств, что, кстати, иногда находило отражение в практике работы органов следствия и суда⁸. Однако подобная свободная интерпретация категории доказательств, расширяющая их понимание вне стадии возбужденного уголовного дела, разумеется, не получала у процессуалистов никакой поддержки. Н.М. Кипнис в категоричной форме заявлял, что в стадии возбуждения уголовного дела доказывание не осуществляется, поскольку информация получается способами, лишенными юридических гарантий, вне процессуальной формы, что не отвечает требованиям допустимости доказательств⁹.

В рассматриваемом аспекте теории доказывания в уголовном процессе Н.М. Кипнис, а вместе

⁴ См.: Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам. М., 2008. С. 56.

⁵ См.: Победин А.В. Уголовно-процессуальное доказывание. М., 2009. С. 133.

⁶ В данном случае мы не рассматриваем особенности использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе, которые часто бывают получены до момента возбуждения уголовного дела, но в строгом соответствии со ст. 11 Федерального закона “Об оперативно-розыскной деятельности” от 12 августа 1995 г. (см.: Собрание законодательства РФ. 1995. № 33. ст. 3349) и не могут являться доказательствами при их предоставлении органам предварительного расследования.

⁷ См.: Шейфер С.А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. М., 2004. С. 19. Аналогично такой же точки зрения придерживаются и другие исследователи (см.: Соловьев А.Б. Система следственных действий как средство уголовно-процессуального доказывания (Проблемы уголовного процесса и криминалистики). М., 2006. С. 36; Следственные действия (Процессуальная характеристика, тактические и психологические особенности) / Под ред. Б.П. Смагоринского. М., 1994. С. 6; Семенов В.А. Следственные действия. Екатеринбург, 2003. С. 5; Шмонин А.В. Методика расследования преступлений: Учеб. пос. М., 2006. С. 356 и др.).

⁸ См.: Григорьев В.Н. Использование фактических данных, полученных до возбуждения уголовного дела, в системе доказывания // Проблемы доказывания по уголовным делам. Межвуз. сб. Красноярск, 1988. С. 87–91; Яшин В.Н. Предварительная проверка первичных материалов о преступлении: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 90 и др.

⁹ Кипнис Н.М. Допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве. М., 1995. С. 44, 45.

с ним и некоторые другие ученые, конечно, были правы, поскольку в УПК РСФСР (как и в прежней редакции УПК РФ) не имелось механизмов уголовно-процессуальных гарантий для законного получения доказательств до возбуждения уголовного дела, т.е. фактически существовал правовой запрет на получение доказательственных сведений при проведении доследственной проверки, которые возможно использовать в полной мере в системе уголовно-процессуального доказывания. Процессуальная форма получения доказательств, а следовательно, и сама процедура доказывания законодательно были разработаны только применительно к стадии предварительного расследования и судебного рассмотрения уголовных дел. Стадия же возбуждения уголовного дела была нормативно упрощена и направлена только на получение сведений о признаках преступления, т.е. на его обнаружение и выявление, после чего следовало немедленно возбуждать уголовное дело, если на то имелись уголовно-правовые основания.

Однако со временем требования к проверке сообщений о преступлении стали изменяться и кроме признаков преступления руководителями правоохранительных органов было заявлено требование о собирании и даже проверке более полных данных, указывающих не только на признаки, но и на сам факт и участников преступления. Как остроумно отмечали следователи, что после постановления о возбуждении уголовного дела с них требуют чуть ли не приговор по делу. В этом смысле расширение задач предварительной проверки подтверждалось и сроками ее проведения с продлением до 10 и 30 суток, которые практически стали даже больше сроков дознания. На сегодня стадия предварительной проверки сообщений о преступлении до возбуждения уголовного дела включает в себя во многом исследование обстоятельств преступления, нахождение основных его участников и очевидцев, а нередко на данной стадии преступление бывает полностью раскрыто с нахождением всех необходимых сведений для уголовного преследования виновного лица, но без соответствующего процессуального оформления, относимого к доказыванию. При этом сами материалы доследственной проверки часто не отличаются от уголовного дела, составляя тома документов в виде объяснений, справок, исследований, результатов ревизий и т.д. Тем самым в данном случае объективно можно говорить не о сборе предварительных данных о преступлении, но о процессе, сходном с доказыванием, хотя и вне надлежащих процессуальных форм.

Из этого закономерно вытекает вывод о необходимости признания результатов рассмотрения проверок сообщений о преступлении в качестве доказательств, поскольку материальное содержание этих проверок практически может ничем не отличаться от того же содержания уголовного дела. И проблемой в этом случае становится только наличие юридической формы получения сведений об обстоятельствах преступления до возбуждения уголовного дела, что должно содержать процессуальные гарантии соблюдения прав и интересов сторон в уголовном процессе практически на том же уровне, что и при проведении предварительного расследования.

Если провести детальный анализ норм УПК РФ, посвященных доказыванию, то можно сделать вывод, что в юридическом аспекте нет строгого рубежа между информацией, получаемой до возбуждения уголовного дела, и сведениями, получаемыми в процессе предварительного расследования, а значит, после вынесения постановления о возбуждении уголовного дела. Правовые нормы действующего УПК не содержат четкого запрета на использование в качестве доказательств сведений, полученных при проведении проверки сообщения о преступлении до возбуждения уголовного дела.

Так, в ст. 74 УПК, определяющей понятие доказательств, указывается: “Доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном настоящим Кодексом, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела”. Перечисление в ч. 2 этой же статьи видов доказательств в основном как результатов следственных действий не носит исчерпывающего характера, тем более где в п. 6 дается понятие “иные документы”, которое, исходя из статьи 84 УПК, имеет весьма широкое толкование. Согласно ст. 84 УПК иные документы могут содержать сведения, зафиксированные как в письменном, так и в ином виде, которые получены, истребованы или представлены в порядке собирания доказательств. И наконец, определяя этап собирания доказательств в ст. 86 УПК, законодатель закрепляет следующее положение: “Собирание доказательств осуществляется в ходе всего уголовного судопроизводства дознавателем, следователем, прокурором и судом путем производства следственных и иных процессуальных действий, предусмотренным настоящим Кодексом”. Подоб-

ная формулировка, как “собрание доказательств осуществляется в ходе всего уголовного судопроизводства”, вполне может быть истолкована так, что собрание доказательств включает в себя не только стадии предварительного расследования и судебного производства, но и этап до возбуждения уголовного дела. Понятие же “иные процессуальные действия” может включать в себя и перечень проверочных действий, указанных в качестве процессуальных, которыми могут быть действия по проверке сообщения о преступлении, перечисленные в нынешней редакции ст. 144 УПК.

Итак, если исходить из основ объективного познания и материалистического понимания теории отражения применительно к уголовному процессу, то собрание сведений о преступлении как явлении объективного характера фактически начинается с момента поступления информации о преступлении и происходит в течение всего периода проверки сообщения о преступлении, а далее – в ходе расследования уголовного дела. Данный процесс познания носит постоянный характер, ограничение которого может быть произведено только субъективным волеизъявлением в виде создания человеком (законодателем) нормативных преград, как в нашем случае – решения о возбуждении уголовного дела. В то же время общий процесс человеческого познания, к законам которого, несомненно, относится и система уголовно-процессуального доказывания, не может исходить из искусственно поставленных человеком границ (норм права), когда можно познавать, а когда нельзя.

Познание, а следовательно, доказывание – это процесс сложный со своими очевидными и неочевидными вещами, который имеет субъективно-объективно поисковый характер, однако это всегда процесс непрерывный, как непрерывна ищущая мысль человека. Доказывание может носить активный характер в виде собирания или проверки доказательств, может носить пассивный характер в виде анализа и оценки полученных данных, но нельзя остановить это движение, если поставлена задача достижения истины как всякой цели человеческого познания. Из этого неизменно следует, что сам процесс доказывания, исходя из научных положений теории познания, начинается с фактического получения сообщения о преступлении соответствующим должностным лицом правоохранительных органов.

Подтверждением процесса постоянного доказывания, как мы указывали, служит то, что часто материал, сформированный до возбуждения уголовного дела вместе с показаниями пострадавшего

лица, очевидцев преступления, с показаниями лица, которое совершило преступления, с приложением необходимых документов и изъятых предметов или орудий преступления при осмотре места происшествия, представляет собой “мини-уголовное дело” с материально подтвержденными и проверенными выводами. В этом смысле не случайно законодатель в Федеральном законе от 4 марта 2013 г. представил новый порядок дознания как “дознание в сокращенной форме”, когда по уголовному делу возможно не проводить следственные действия, но опираться только на сведения, полученные до возбуждения уголовного дела. Однако в новой редакции ст. 144 УПК речь идет не только о дознании, тем более в сокращенной форме, но обо всех формах предварительного расследования, когда необходимо в системе доказывания исходить из всей совокупности полученных доказательств – как до, так и после возбуждения уголовного дела.

Переходя из сущности познавательных положений доказывания, которое находится в непрерывном движении, к его процессуальной стороне, следует признать, что если мы говорим о постоянном процессе доказывания, то должны быть одинаковые правила на всем протяжении этого процесса. Это требуется как из необходимости соответствующих одинаковых юридических гарантий соблюдения прав и интересов человека и гражданина, так и для создания одинаковых условий деятельности правоохранительных органов по собиранию доказательств.

В данном отношении мы видим, что права участников процессуальных действий в рассматриваемой стадии досудебного производства, т.е. до возбуждения уголовного дела, в конкретном юридическом изложении, а следовательно, путем постановки описания не регламентированы развратно уголовно-процессуальным законодательством, как это нормативно осуществлено в ходе предварительного расследования или судебного рассмотрения уголовного дела. И хотя в ч. 1-1 ст. 144 УПК имеются положения о необходимости соблюдения прав и свобод участников уголовного судопроизводства, однако краткость данного опуса не составляет равенства с излагаемыми в других статьях УПК нормами о правовом статусе свидетеля, потерпевшего, подозреваемого или обвиняемого.

В то же время данную проблему возможно частично решать, исходя из системного смысла норм всего института обеспечения прав и интересов сторон в уголовном процессе. Это означает, что для реального и эффективного соблюдения

прав участников доследственной проверки необходимо основываться на двух составляющих уголовно-процессуального закона: во-первых, исходить из принципов уголовного судопроизводства, изложенных в гл. 2 УПК, которые являются руководящими началами для всех стадий уголовного процесса и всех его участников, и, во-вторых, руководствоваться рядом процессуальных правил производства следственных действий, которые содержат нормы, в разумной мере применимые к производству действий, предусмотренных в ч. 1 ст. 144 УПК, осуществляемых при проверке сообщения о преступлении. В последнем случае ряд таких правил, с одной стороны, должен обеспечить права и интересы участников рассматриваемой проверки, а с другой – быть направлен на эффективность и результативность проводимых проверочных процессуальных действий с целью их использования в качестве доказательств.

Об условиях описываемого порядка проверки сообщений о преступлениях с получением доказательств при опросе и иных действиях на стадии возбуждения уголовного дела с соблюдением необходимых процессуальных гарантий участникам уголовного процесса, предусмотренных УПК РФ, указал Верховный Суд РФ в постановлении “О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 “О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия” от 16 апреля 2013 г. № 9”. В частности, в скорректированном варианте названного постановления 1995 г. указывается, что в соответствии с ч. 2 ст. 48 Конституции и на основании п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ каждое лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ, имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы этого лица. При нарушении этого конституционного права все объяснения лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ, а также показания подозреваемого, обвиняемого и результаты следственных и иных процессуальных действий, произведенных с их участием, должны рассматриваться судами как доказательства, полученные с нарушением закона (п. 17)¹⁰. Здесь нельзя не отметить весьма положительный момент, что фактически своим постановлением Верховный Суд РФ дал судебное толкование новой нормы о возможности призна-

ния в качестве доказательств сведений (в частности, объяснений), полученных в порядке ст. 144 УПК, т.е. до возбуждения уголовного дела, которое для работы судебных и правоохранительных органов имеет принципиальный характер.

Таким образом, беря за основу положение о единстве формы и содержания доказательства, мы можем прийти к принципиальному выводу, что подобное единство вполне достижимо при собирании сведений на этапе возбуждения уголовного дела, т.е. при проверке сообщения о преступлении с момента его надлежащей регистрации в правоохранительных органах. В этом случае содержанием доказательства будут любые сведения, полученные о преступлении и относящиеся к обстоятельствам, подлежащим доказыванию, а показателем надлежащей юридической формы станет процессуальный порядок получения таких сведений, исходя из смысла ст. 144 и иных норм УПК РФ, гарантирующих соблюдение прав и интересов участников уголовного судопроизводства.

Вместе с тем представленные нами рассуждения о процессуальных возможностях признания в качестве доказательств сведений, полученных в процессе проверки сообщения о преступлении (до возбуждения уголовного дела), при их конкретном исполнении наталкиваются на ряд проблемных ситуаций. И учитывая, что рассматриваемый нами институт доказывания в уголовном судопроизводстве распространяется на все стадии уголовного процесса, возникающие вопросы не могут не сказаться на применении уголовно-процессуальных норм доказательственного права в их практической реализации.

Для начала отметим: весьма спорным моментом является формулировка, что полученные в ходе проверки сообщения о преступлении могут быть использованы в качестве доказательств при условии соблюдения положений ст. 75 и 89 УПК. Как толковать слово “могут”? Это зависит от воли правоприменителя, или, если выполнены условия ст. 75 и 89, полученные сведения признаются в качестве доказательств в обязательном порядке? Вряд ли поставленный вопрос будет иметь однозначный ответ, исходя из неясности приведенной нормы. Остается пока только сожалеть, что при состязательности сторон в уголовном процессе такие стилистические огрехи в законе порождают не только беспредметные дискуссии, но и, что самое главное, серьезно сказываются на решениях по уголовному делу при исследовании доказательств.

Далее. Основным недостатком новой трактовки доказательств в уголовном процессе, закрепляемой в ст. 144 УПК, является во многом, если

¹⁰ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 6.

не во всем, ее полная несогласованность с разд. III УПК РФ, регламентирующим институт доказательств и доказывания в уголовном процессе. И хотя выше мы обозначили отдельные нормы разд. III УПК о доказывании, которые отвечают новому пониманию доказательств в ст. 144 УПК, однако в системном рассмотрении сведения, полученные до возбуждения уголовного дела, весьма затруднительно включить в цельную логику доказывания в уголовном процессе. Законодатель, дав новую концептуальную оценку категории доказательств в ст. 144 УПК и допустив тем самым собираемые до возбуждения уголовного дела сведения в систему доказывания, не внес абсолютно никаких изменений или дополнений в раздел УПК, посвященный непосредственно доказыванию. Этот недостаток рождает весьма существенные пробелы и противоречия как в общей системе доказывания, так и в отдельных ее компонентах.

В общем плане текст норм рассматриваемого разд. III “Доказательства и доказывание” УПК РФ при буквальном чтении отнесен только к расследованию уголовного дела без упоминания процесса доследственной проверки сообщения о преступлении. По нашему мнению, *при перечислении видов доказательств в ст. 74 УПК сведения, получаемые до возбуждения уголовного дела, следовало бы выделить отдельным пунктом, что позволило бы без излишней интерпретации допускать полученные законным способом собранные данные в качестве одного из видов доказательств. Такое же пожелание можно отнести и к ст. 86 УПК, нормативно регулирующей этап собирания доказательств. В силу специфических способов получения доказательств до возбуждения уголовного дела и исходя из немалого количества проводимых при этом процессуальных действий, новый этап процесса доказывания при рассмотрении сообщения о преступлении, также следовало бы выделить отдельной частью в норме о собирании доказательств с указанием необходимых его особенностей.*

И наконец, если подходить строго ко всем видам доказательств, куда, несомненно, могут быть отнесены и все процессуальные действия, производимые в ходе проверки сообщения о преступлении, а их насчитывается более 10 позиций, *то необходима их детальная регламентация в УПК РФ.* Дело в том, что если степень доказательственного значения процессуальных мероприятий, проводимых до возбуждения уголовного дела, будет равна результатам следственных действий, а нормативный порядок их проведения будет отсутствовать, то это ставит участников процесса в неравно-

правное положение по отношению к различным видам доказательств, и прежде всего к подробно регламентированным следственным действиям. Соответственно, при собирании доказательств до возбуждения уголовного дела неясность способов их производства может привести к злоупотреблению со стороны правоохранительных органов или иных участников процесса, что, в свою очередь, может быть незаконно использовано в пользу стороны защиты или обвинения. Тем самым *в силу повышения значения процессуальных действий, перечисленных в ч. 1 ст. 144, и выведение их до уровня требуемого стандарта доказательств становится необходимым грамотное правовое описание каждого из них с целью ограничения необоснованно вольных интерпретаций их исполнения правоприменителем или иными заинтересованными лицами.*

Перейдем к рассмотрению ряда отдельных практических проблем, также порождающих противоречия в системе уголовно-процессуального доказывания.

В соответствии с нормами УПК РФ понимание показаний обвиняемого, подозреваемого, свидетеля и потерпевшего как вида доказательств, указанных в п. 1 и 2 ст. 74, исходит согласно ст. 76–79 УПК, только из допросов названных лиц. Однако каким образом тогда оценивать показания (или пояснения?) перечисленных лиц, данные ими при проведении опроса? Будут ли они полноправными доказательствами в качестве показаний названных лиц или станут трактоваться в общем плане как “иные документы”? Верховный Суд РФ в своем постановлении дал им толкование в качестве объяснений, однако согласно вышеперечисленным нормам УПК РФ в качестве доказательств допускаются только показания участников уголовного судопроизводства, данные ими на допросе. И отсюда обоснованные сомнения возникают к пониманию результатов опроса в качестве доказательств, даже при наличии обеспечения названным лицам определенных процессуальных гарантий. А с учетом того, что показания обвиняемого, подозреваемого, свидетеля и потерпевшего являются основными доказательствами в уголовном деле, на сегодня трактовка результатов их опроса со стороны обвинения или защиты в процессуальном порядке фактически не урегулирована. *Исходя из логики законодателя, последовательным шагом будет включение в ст. 76–79 результатов опроса в порядке ст. 144 в качестве показаний участников процесса.*

Понятие “иные документы”, хотя в теоретической интерпретации и может включать в себя

документы доследственного характера, однако, учитывая их большое количество и разнообразие форм, *необходимо все же конкретизировать данное понятие в ст. 84 УПК применительно к документам, полученным до возбуждения уголовного дела*. К тому же невозможно включать в “иные документы” перечень результатов всех процессуальных проверочных действий, излагаемых в ст. 144 УПК РФ, поскольку, например, заключения экспертиз указаны в качестве отдельного вида доказательств в ст. 74 УПК. В этом же ряду весьма проблемным является понимание в качестве доказательств предметов и документов, изъятых до возбуждения уголовного дела. Будут ли в этом случае они вещественными доказательствами либо сами протоколы или акты изъятия также войдут в перечень иных документов, остается неясным.

Завершая наши рассуждения, мы приходим к объективным выводам, что перечисленные и иные вопросы доказательственного права в уголовном процессе возможно решать только при согласованности общих норм разд. III УПК о доказывании с нормами, посвященными стадии возбуждения уголовного дела (ст. 144 УПК и др.). В целом, как мы видим, на сегодняшний день *назрела необходимость кардинально реформировать уголовный процесс в области системы доказывания с вовлечением в эту сферу процессуальных действий на стадии возбуждения уголовного дела*. Это позволит выстроить одну линию доказывания в уголовном судопроизводстве с одинаковыми гарантиями по всем производимым процессуальным, проверочным и следственным действиям, где, кстати, по нашим прогнозам, необходимо рассмотреть и проблемы включения результатов ряда оперативно-розыскных мероприятий. В то же время на основании всего проанализированного следует отметить, что, несмотря на острую практическую нужду и оптимистические перспективы дополнения в ст. 144 УПК о возможности включения в качестве доказательств сведений, получаемых при проверке сообщения о преступлении, данная законодательная новелла на сегодня порождает больше вопросов, чем требуемых ответов.

В заключение следует указать на другую, весьма положительную, на наш взгляд, тенденцию в

рассматриваемом дополнении ст. 144 УПК РФ о возможности признания сведений, получаемых при проверке сообщений о преступлениях, доказательствами. Фактически существенным изменением ст. 144 УПК законодатель сделал первый и необходимый шаг к отмене стадии возбуждения уголовного дела, о чем мы писали ранее¹¹. Данная стадия, что мы достаточно продемонстрировали выше, давно уже в большинстве случаев работает “вхолостую”, занимая время и огромные силы у работников правоохранительных органов, результаты которой не могли быть до последнего времени признаны доказательствами. И последующие шаги по пути дальнейшего совершенствования уголовно-процессуального законодательства в стадии досудебного производства должны исходить из оптимального единства процесса доказывания с момента получения сообщения о преступлении до направления уголовного дела в суд. *На наш взгляд, объективные условия деятельности по раскрытию и расследованию преступлений требуют без возбуждения уголовного дела разрешить проведение всех следственных и процессуальных действий, до признания лица подозреваемым или предъявления лицу обвинения. То есть сама регистрация сообщения о преступлении будет основанием для начала уголовного досудебного производства в полном объеме с проведением всего комплекса следственных действий, признаваемых в качестве доказательств*. В этом случае аналогично стадии возбуждения уголовного дела будет иной правовой институт – это возбуждение уголовного преследования в отношении конкретного лица в качестве подозреваемого или обвиняемого при наличии собранных доказательств с начала регистрации сообщения о преступлении, а значит начала уголовного производства. Разумеется, все это потребует последующего системного анализа и реформы всего уголовного процесса, и института доказывания с необходимостью оптимизации работы следственного аппарата и всех правоохранительных органов вместе с гарантиями соблюдения прав и интересов участников уголовного процесса.

¹¹ См.: Халиков А.Н. Вопросы оптимизации досудебного производства // Росс. юстиция. 2006. № 9.